

Благодаря Хэ Яну Ли Гуанбинь постепенно влился в компанию ребят из приюта и со временем понял: они все — такие же, как Хэ Ян. Такие же искренние, добрые, наивные, живые — и такие же ранимые, заставляющие сердце сжиматься от жалости.

Когда Хайяню понадобились деньги на операцию, Ли Гуанбинь оказался почти бессилен — он давно уже связался с родителями, путешествовавшими по Вьетнаму, но они и слушать не хотели. Даже если и одолжить, рассуждали они, то только тому, кто сможет вернуть, а этот мальчик — сирота, подросток, у которого нет ни кола ни двора — сможет ли он расплатиться? Или, может, старая директриса, которой уже за шестьдесят, за него заплатит? Нелепость какая-то — так что нет, и не проси.

Директриса, заметив его виноватый взгляд, мягко похлопала его по руке:

— Не кори себя. Ты и так для нас больше чем достаточно сделал.

Раскалённая летняя ночь.

Внезапно разразилась буря — ветер выл, дождь хлестал по стёклам так, что, казалось, они сейчас не выдержат.

Лу Тинфэну приснился сон.

Ему снилось, что Хэ Ян сидит на полу в той самой тесной камерке, где он велел ему жить, — сидит, обхватив колени, и плачет. Беззвучно, некрасиво, размазывая слёзы по лицу. Лу Тинфэн рванулся к нему, хотел обнять, утешить, но Хэ Ян, даже не поднимая головы, прошептал: «Не подходи...» — и отодвинулся к стене, вжимаясь в неё спиной, как затравленный зверёк.

— Вся ваша семья надо мной издевается! — голос его срывался на крик, слёзы заливали лицо. — Зачем вы меня держите? Зачем не отпускаете? Я вам чужой! Я всегда был чужим! — он всхлипнул, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Я больше не хочу тебя любить... Не могу так больше... Ненавижу!

Лу Тинфэн почувствовал, как во рту стало горько. Он открыл рот, чтобы объяснить, чтобы сказать что-то важное, но Хэ Ян вдруг легко, словно пушинка, вскочил на подоконник. В последний раз посмотрел на него — холодно, пусто, будто сквозь стекло, — и выдохнул:

— Я ненавижу тебя...

А потом шагнул в пустоту. Лу Тинфэн рванулся к окну, но было поздно — только ветер свистел в ушах, и тишина, оглушительная, как взрыв.

— Нет!!!

Лу Тинфэн проснулся с криком, вскочил, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Простыня под ним промокла насквозь — хоть выжимай. Он сидел, тяжело дыша, и никак не мог понять, где сон, а где реальность.

А в Юньчэне в это же время другая жизнь боролась за право появиться на свет.

— А-а-а... — Хэ Ян согнулся от боли, которая накатывала волнами, разрывая тело изнутри. Казалось, низ живота сейчас просто расколется, разорвётся на части. Пот заливал глаза, волосы прилипли ко лбу мокрыми прядями. Он сжимал простыню побелевшими пальцами, стараясь не кричать, но крик сам рвался из горла.

— Милый, давай, тужься! — хозяйка, склонившись над ним, подбадривала его, вытирая пот с его лба влажной тряпицей. — Роды — это не шутка, тут нельзя расслабляться! Давай, я уже головку вижу, ещё немного!

В комнату был заранее натащен большой таз с кипятком — хозяйка готовилась к самому страшному, ведь роды всегда ходят по краю пропасти. И сердце обливалось кровью при виде этого мальчишки: без гроша в кармане, без мужа, совсем один, корчится от боли, вытаскивая на свет новую жизнь. Воздух уже пропитывался тяжёлым запахом крови.

— Не могу... — прошептал он, и голос его был таким слабым, что хозяйка едва расслышала. — Бабушка... я не могу... сил нет...

Он чувствовал, как сознание уплывает, как темнеет в глазах. Хотелось просто закрыть глаза и провалиться в спасительную пустоту, где нет этой боли.

— Милый, не смей сдаваться! — хозяйка сама плакала, не скрывая слёз, гладила его по мокрой голове. — Ты же десять месяцев его носил, столько терпел! Не смей бросать его сейчас! Давай, ещё чуть-чуть! Я уже головку вижу, слышишь? Он тебя ждёт!

Хэ Ян вдохнул — глубоко, из последних сил, до рези в лёгких, — рванул простыню так, что ткань затрещала, и...

— Уа-а-а-а!

Комнату пронзил громкий, звонкий крик. Такой чистый, такой пронзительный, что у Хэ Яна на мгновение остановилось сердце.

Хозяйка всплеснула руками:

— Родился! Родился! Мальчик! — она ловко обтёрла младенца продезинфицированным полотенцем, завернула в мягкое одеяльце и поднесла к Хэ Яну. — Смотри, какой чистенький!

Хэ Ян, обессиленный, почти без сознания, скопил глаза на крошечное личико, которое хозяйка поднесла к его лицу. Красное, сморщенное, с зажмуренными глазками — и такое родное, что у Хэ Яна перехватило дыхание. Вся боль, все страдания последних часов ушли, растаяли, исчезли без следа. Осталось только это крошечное чудо, которое он держал в своих руках. Его сын. Его кровь. Его сокровище.

Он назвал его Хэ Хаосюань. А для домашних — просто Сюаньсюань.

Сюаньсюань оказался на удивление спокойным: днём он ел и спал по расписанию, а просыпаясь, не капризничал и не плакал — просто лежал в своей колыбельке, таращил свои огромные глаза в потолок и тихонько гукал, словно разговаривал с кем-то невидимым. Хэ Ян нарадоваться не мог: с таким ребёнком и забот почти нет. Даже хозяйка и все, кто заходил, только ахали: ну надо же, какой ангелочек!

К моменту родов директриса не успела — слишком далеко, слишком поздно сообщили. Но как только Хэ Ян немного оклемался, она примчалась на своём стареньком микроавтобусе, который, казалось, держался на честном слове. Привезла с собой целый курятник — десятка полтора кур и уток — и целый ворох свёртков: распашонки, пелёнки, одеяльца, заготовленные заранее.

Старшее поколение относилось к послеродовому уходу с особой тщательностью. Директриса взяла Хэ Яна под свою опеку, не жалея ни сил, ни времени. Каждое утро начиналось с купания в отваре полыни и имбиря — чтобы тело быстрее восстанавливалось. Кормила так, что за неделю блюда ни разу не повторились: то свиные ножки, томлёные в уксусе с имбирём, то наваристый куриный бульон с лапшой, то рыба на пару, то суп из потрошков. Хэ Ян только диву давался, откуда она берёт столько продуктов и столько сил.

К концу месяца Хэ Ян не узнавал себя в зеркале. Щёки округлились, под глазами исчезли тени, в движениях появилась уверенность, которой так не хватало раньше. Он чувствовал себя обновлённым, полным сил — словно заново родился вместе с сыном.

Выйдя из послеродового периода, он сидел во дворе, пригретый солнышком, держал на руках сына, и впервые за долгое время на душе было спокойно.

Директриса, улучив момент, присела рядом, погладила Сюаньсюаня по щёчке и тихо сказала:

— Хайяню намного лучше. Операция прошла успешно, врачи говорят — будет жить. Всё время тебя вспоминает, спрашивает, когда сможет увидеть вас с малышом.

Хэ Ян улыбнулся, глядя на сына:

— Как только чуть окрепнем, обязательно съездим. Пусть посмотрит, какой у него братик красивый.

Он знал, что эта операция вымела почти всё, что у них было. Но глядя на безмятежно спящего Сюаньсюаня, понимал: оно того стоило. Ради этой улыбки, ради этого тихого сопения, ради того, чтобы Хайянь жил, — можно было отдать и больше.

Солнце пригревало, во дворе пахло свежескошенной травой, и впервые за долгое время на душе у Хэ Яна было тепло и спокойно. Всё налаживается. Обязательно наладится.

<http://bllate.org/book/16098/1572351>